

Ничего нельзя потерять

Рек. - 1997 - 31.01.97 -
- 6 февр. - с. 14

Людмила Максакова не следует моде на нытье

— Людмила Васильевна, ваша мама была всеобщей знаменитостью, прославленной певицей Большого театра. Вы ревновали ее к славе?

— Жизнь моей мамы — это вечный переход из трагедии в драму. Разве можно ревновать человека, который был совершенно одинок? Она лишилась первого мужа, который был для нее и учителем, и самым близким, родным человеком, второго расстреляли, а она сама находилась под угрозой ссылки. Началась война, и государству стало на время не до нее, но никто ничего не забыл, и с ней в конце концов расправились. В один прекрасный день она получила на папиросной бумашке письмо из Большого театра, где сообщалось, что такого-то числа она переводится на пенсию. И я уверена, именно это явилось причиной ее ухода из жизни. Она жила только искусством, ничего другого для нее не существовало.

— Ваш дом был наполнен музыкой. Не хотелось получить музыкальное образование?

— Почему? Я училась. Закончила ЦМШ по классу виолончели, но, наверное, человек не управляет своей судьбой. Мне кажется, нас кто-то ведет, и наша жизнь в чем-то предопределена. После войны у нас в доме жила француженка, ей негде было жить, и мама взяла ее к нам. Так что французский язык вошел в мою жизнь как родной. Однажды я увидела по телевизору необыкновенного красавца, который читал по-французски отрывок из пьесы Гюго. Это был Василий Лановой. Тогда еще студент Шуккинского училища. Меня совершенно поразило, что есть место, где всему этому можно научиться. Просто надо было пройти чуть дальше по улице. Я училась в Собиновском переулке, а знаменитое Шуккинское училище располагалось совсем недалеко — на Арбате.

— Ваша жизнь в Вахтанговском театре сразу же сложилась более чем удачно. Много ролей, хорошие рецензии. Это тоже было предопределено?

— Когда я пришла в театр, вообще ничего не умела. Рубен Николаевич Симонов был необыкновенным мастером, он удивительно умел работать с актером, умел повернуть его выгодной стороной. А когда мастера не стало, для меня просто разверзлась бездна. Я поняла, что без него ничего не могу. Настолько привыкла, что все объяснял и поставил в такое положение, когда мне будет удивительно удобно на сцене. Остаться без учителя — это было большое горе, большая беда.

— А вы могли бы увлечься работой с совсем неизвестным режиссером? Или важен авторитет?

— Какой авторитет? У Романа Виктюка не было никакого авторитета, когда мы встретились. Я просто посмотрела две его работы. Он был мальчиком в джинсах «самопалах», в ветровке и пластмассовых сандалиях.

— У вас тогда был трудный момент в театре. Но сейчас, когда вы достигли таких вершин, могли бы решиться на такой поступок?

— Ничего так просто не бывает. В ГИТИСе существует Мастерская Петра Наумовича Фоменко, это уже четвертый его выпуск. У него вместе учатся актеры и режиссеры. Я хожу на все его работы. Там есть очень интересная девочка — Лена Невежина. В нашем театре с молодыми ставит спектакль Андрей Приходько, тоже выпускник Фоменко. Так что это небезызвестные люди. И если кто-то из них мне предложит работать, с радостью соглашусь.

— Я знаю, что актеры Мастерской очень ревниво относятся к работам Фоменко в других театрах, и в частности в Вахтанговском. А вы не ревнуете его к ним?

— Эта тема для меня исключена. Я и мужчин-то никогда не ревновала. Всегда считала, что мое, то мое. А что не мое, то не мое. Я даже формулу изобрела — меня нельзя бросить, меня можно только потерять. И Фоменко не ревную. Потому что каждому свое. То, что умеют они, не умею я. А то, что могу я, они не могут.

— У вас никогда не было желания уйти из Вахтанговского театра?

— Нет. А что может актер найти? Он может найти только копейку на грязном тротуаре.

Ничего эта беготня не дает, только губит актеру биографию. И вообще — как можно из дома уходить? Я сторонница булгаковской формулы — что бы ни случилось, никогда не снимайте абажур с лампы. Ничего дороже своего дома у нас нет.

— Театр для вас — главное дело жизни. А как с ним уживаются семья, дети?

— Театр есть театр. На него уходит очень много сил, но детей-то я рожала совершенно сознательно. Я очень много ими занималась. У меня все подруги были намного старше меня. Мы очень дружили с Натальей Петровной Кончаловской, и я все спрашивала у нее: «Как так вышло, что Никита и Андрон у вас такие потрясающие?» Она ответила: «Людочка, в них столько вложено, что было бы смешно, если бы они выросли идиотами». Дети — это ежедневный труд. Если вы хотя бы один день пропустили, то никогда уже не нагоните.

— А как вы с ними ладите теперь, когда они уже взрослые?

— Когда дети вырастают, они становятся или врагами, или чужими, или друзьями. Мои дети — мои друзья, и это большое счастье.

— Сейчас очень многие актеры постоянно мелькают на тусовках и презентациях. Вы далеки от таких увеселений?

— Мы были воспитаны по-другому. Я не знаю — достоинство это или недостаток. Нельзя людей судить за то, как они живут. Я думаю, что могла бы увидеть, предположим, Евгения Багратионовича Вахтангова на открытии ресторана «Планета Голливуд». Или Станиславского. Они слишком занимались театром, идеей, строительством. Не могли позволить себе разбрасываться.

— Может быть, актеров ведет туда чувство страха. Если они не будут мелькать повсюду, то их забудут? Придут другие — более ловкие?

— Никогда не считала, что от мелькания зависит актерская судьба. Самореклама — признак пустой души. Как можно себя рекламировать с сигаретой и бокалом шампанского?

— Вы не выбрасывали на помойку партбилет и не призывали голосовать, чтобы не проиграть. Политика вас тоже совсем не увлекает?

— Я была воспитана совершенно в другой семье. Моя мама пела в церковном хоре. У нас были другие нравственные ориентиры. Но и тут я ничего не хочу сказать плохого о тех людях, которые служили или служат идее. Если люди пламенно верят во что-то, как можно бросить в них камень? Как-то я была в большой политике, но очень быстро из нее вышла. Это было в августе 91-го года. Решила, что лучше умру, чем буду дальше жить при режиме, который уничтожил лучшую часть России.

— Вам знакомо чувство страха, когда в одночасье можно все потерять?

— Если вы пройдете мимо церкви и увидите людей, которые сидят на паперти, то поймете, что можно жить даже так. Ничего нельзя потерять. Какие ценности? Автомобиль — это металл. Самое страшное — потерять свою душу. А куда же она может деться, если вы сами не постараетесь? Никуда.

— Сейчас, особенно в творческой среде, стало привычным жаловаться на жизнь, на новые условия. Как вы относитесь к этому коллективному плачу?

— Шекспир сказал: «Любое время — время для всего». А у нас затаили одну песню... Существует клише, и оно начало вьедаться в сознание. Как реклама памперсов или тапков. Это не отражает реальное положение вещей, это скорее мода на нытье. В финансовом смысле, конечно, тяжело, но совсем не так, как было во время повального голода на Украине. Люди быстро забывают плохое и очень легко привыкают к хорошему. Разве мало того, что сейчас нет репрессий, нет цензуры? Вы можете спокойно ставить, что хотите. Если есть творческий потенциал, можете его сегодня реализовать. Мы живем в такое время, когда люди могут раскрыться. Не нравится то, что по телевизору показывают? Так можно нажать кнопку, выключить его и читать книгу. Ничто не мешает сделать это.

Беседовала
Марина ЗАЙОНЦ

Максакова Людмила

31.01.97 - 6.02.97